

Добрый барин...

● НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ДАНИЛЕВСКИЙ
(1822—1885 гг.) ПРИНАДЛЕЖАЛ К ТОЙ ПЛЕЯДЕ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ,
В КОТОРУЮ ВХОДИЛИ ВЫДАЮЩИЕСЯ ФИЛОСОФЫ
И ПУБЛИЦИСТЫ В. С. СОЛОВЬЕВ, К. Н. ЛЕОНТЬЕВ,
Н. Н. СТРАХОВ, Н. Ф. ФЕДОРОВ. НАИБОЛЕЕ ОН
ИЗВЕСТЕН КАК АВТОР ДВУХ КАПИТАЛЬНЫХ
РАБОТ «РОССИЯ И ЕВРОПА» И «ДАРВИНИЗМ
КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ». К НИМ ПО СЕЙ
ДЕНЬ ПРОЯВЛЯЮТ БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС МНОГИЕ
ЗАПАДНЫЕ УЧЕНЫЕ. В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ
ЭТИ КНИГИ — РЕЗУЛЬТАТ МНОГОЛЕТНИХ
ТРУДОВ И РАЗМЫШЛЕНИЙ — ВСЕ ЧАЩЕ НАЧИНАЮТ
ВСПОМИНАТЬ И У НАС.

В Вологду Николай Яковлевич был выслан в мае 1850 г. после ареста и заключения в крепости по делу Петрашевского. И хотя провел в ссылке всего полтора года, вологодские связи он сохранял всю жизнь. В тот период губернским предводителем дворянства в Вологде был Павел Александрович Межаков (1788—1865 гг.), крупный помещик, образованный человек, в молодости довольно известный поэт. Он пригласил Николая Яковлевича в свое поместье Никольское на берегу Кубенского озера, принял, так сказать, в семью.

Особенно Николай Яковлевич подружился с его сыном Александром Павловичем. Песомненно, этой дружбе сильно способствовала общность их интересов. А. П. Межаков (1812—1859 гг.) был страстным исследователем растительного и животного мира родного края. Его

работы нашли признание в научных кругах, он был избран в действительные члены Русского географического общества, Московского общества испытателей природы и Общества акклиматизации. Свои опыты по акклиматизации растений он проводил в знаменитом Никольском саду-дендрарии, разбитом еще его дедом в последней трети XVIII в., а также в специально построенных оранжереях, славившихся многими экзотическими деревьями и цветами.

Памятником дружбы Н. Я. Данилевского и А. П. Межакова остались несколько писем Николая Яковлевича, которые тем более драгоценны, что, может быть, являются единственными образцами его эпистолярного наследия, т. е. весь архив сгорел.

Сохранившиеся письма относятся к 1853—1855 гг.,

когда Николай Яковлевич находился в Самаре. Он служил переводчиком губернского правления, а затем был «командирован в звании статистика в ученую экспедицию для исследования состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море» под руководством выдающегося натуралиста Карла Эрнста фон Бэра. В первых письмах он сообщает А. П. Межакову о том, как его приняли в Самаре: «По приезде моем Семен Григорьевич (Волховский) ко всему доброму для меня прибавил еще величайшее для меня одолжение, поручив мне осмотреть Самарскую губернию в статистическом отношении (преимущественно относительно условий физических). Поэтому на днях отправляюсь я в путешествие во всех отношениях для меня интереснее и приятнее еще тем, что, переезжая из одной части губернии в другую, я буду заезжать в Самару, так что отсутствия мое из дома не будет продолжительным». «Собирая статистические данные, — пишет он дальше, — я не упущу из вида и собирание растений».

Николай Яковлевич знал, что А. П. Межаков уже многие годы собирает гербарий (после его кончины он был передан в Императорский Ботанический сад и вошел в состав знаменитого гербария Траутфеттера), и проявлял большую заинтересованность в этой его работе: «Итак, готовыте и вы бумагу и нашему гербарии предстопт небольшое приращение». «Прощу вас, — пишет он в заключении, — засвидетельствовать мое глубочайшее поче-

тение Павлу Александровичу и уверьте его, что я всегда буду помнить то расположение, которым имел счастье от него пользоваться. Время, проведенное в Никольском, я в своей памяти всегда буду относить к приятнейшим в моей жизни».

В следующих письмах нашли отражение трагические события в жизни друзей, и потому они очень ярко представляют чисто человеческие качества Николая Яковлевича.

А. П. Межаков был женой Юлии Францовны, дочери известного в Петербурге и Москве французского эмигранта, поступившего на русскую службу, Франциска Тирана. Юлия Францовна была не только нежной женой и матерью, она также разделяла и научные интересы мужа. Ее смерть в мае 1853 г. была для него очень тяжелым ударом.

В письме от 1 июня 1853 г. Николай Яковлевич пишет: «Милый и дорогой друг Александр Павлович. Дурные вести, говорят, скоро идут и еще прежде письма вашего узнал я от Волховских о постигшем Вас несчастии. Не писал к Вам, потому что не знал как писать: утешать нельзя, потому что утешения нет, одно время может только ослабить горечь. Можно разделить горе, и вы, конечно, были уверены в участии, принятом не мною одним, а всеми нами...».

Прошло всего лишь немногие больше месяца, и Николаю Яковлевичу самому пришлось пережить горе. Он женился на вдове генерал-майора Вере Николаевне Беклемишевой, урожденной Лавровой, которую горячо любил уже несколько лет. Свадьба состоялась в Вологде 29 сентября 1852 г. А 10 июля 1853 г. она умерла от холеры.

«Дорогой друг Александр Павлович, стараясь хоть немножко развлечь Вас моими

письмами в постигшем Вас несчастии, мог бы я думать, что сам я был близок к той же участи. 10 июля в 8-м часу утра скончалась Вера Николаевна от холеры, принявшей такой скрытый и необыкновенный этой болезни характер, что ни она сама, ни мы в окружении ее не могли даже предположить в ней ничего опасного. Уверенности полной в смерти ее не имел я до самого последнего движения ее, так что даже не успел с ней проститься... Пожалейте обо мне, как я пожелаю о Вас...».

В последующих письмах Данилевский снова и снова возвращается мыслями к Вере Николаевне. Но он уже в экспедиции, и письма наполнены впечатлениями от нового для него растительного мира.

Привязанность Н. Я. Данилевского к Никольскому и Вологде с кончиной А. П. Межакова не угасла. Зимой 1860 г. он приезжал в Никольское, сделал предложение дочери своего покойного друга, Ольге Александровне, а затем отправился в очередную экспедицию для исследования рыболовства в Белом море и Ледовитом океане. Он переписывался с невестой так же, как с ее отцом, но, к сожалению, эти письма до нас не дошли. Свадьба Николая Яковлевича и Ольги Александровны состоялась в октябре 1861 г.

Огромная забота Николая Яковлевича не мешала ему время от времени с семьей навещать места, ставшие для него такими близкими: «Никольское одно из тех мест, куда меня наиболее тянет. Не любил я Вологду как место изгнания, а теперь оно связано для меня с лучшими из моих воспоминаний».

Память о нем как о добром барине, изучавшем растения, долго сохранялась и у жителей Никольского...

О. ШАФРАНОВА.